

Она появилась в редакции точно в назначенное время, несколько настороженно смотрит сквозь сильно затемненные очки, просит пепельницу и в течение беседы

НАТАЛЬЯ НЕГОДА

прикуривает одну сигарету Salem от другой. На голове вязанная шапочка, на лоб спускается одинокий локон. Под белым плащом сильно изодранные джинсы, в дырах которых мелькает смуглое тело. Да, после Америки, где она жила последние четыре года, трудно сегодня узнать в этой девушке «маленькую Веру». В первом за последние годы интервью для русскоязычного издания актриса делится своими впечатлениями и опытом последних лет.

«В Америке я — российская патриотка, в Москве — наоборот...»

Валентин Эшпай: Вы знаете, что в современных американских справочниках из постсоветских актрис найти можно только вас?

Наталья Негода: А у меня фамилия легко транслитерируется на английский. — Однако, если серьезно, чувствовали ли вы себя в какой-то момент лидером своего поколения?

— Нет, никогда лидером себя не считала. Да, я стала популярна после «Маленькой Веры», но это все-таки достаточно случайное выпадение карт. Перестройка, Горбачев, Пичул, Хмелик, Зайцева. Назаров... Дело не во мне.

— Есть такой американский термин «неправильно выанный типаж». Когда я смотрел «Веру», то видел московскую девушку из интеллигентной семьи, талантливую артистку, которая очень удачно изображает безнадёжную совковую девочку. Я не прав?

— Помню, сначала мне было неудобно в роли, меня ничего не получалось. Поэтому мы сперва снимали легкие сцены, в которых я просто ходила, молчала, как-то пыталась ассимилироваться. А на премьер в Доме Кино к нам подошел известный кинематографист и говорит Пичулу: «Слушай, классное кино у тебя получилось... И девушку в провинции классную нашел!» Пичул удивился. А мне понравилось, что меня за уличную приняли. Дело в том, что перед съемками я бегала

в кафе «Метелица», где и посмотрела «отвязанную девушку» в мини-юбке, чулках в сеточку и с большими клипсами в ушах.

— Есть актеры, играющие, в сущности, всю жизнь одну роль, скажем, Джеймс Дин, Джек Николсон, а есть выступающие каждый раз по-новому, как, например, Дженифер Джейсон Ли. К какому типу вы относите себя?

— Это несколько умозрительно. Просто наше постмодерное поколение не в такой степени склонно к сотворению кумиров, как родители. Мне это напоминает Лос-Анджелес, город, не имеющий центра. Такая супердеревяня — кто-то разбросал здания, будто игральные кости на сукне, и соединил их дорогами. Нет таких понятных как «улица Горького» или «Невский проспект». Так и в кино — каждый сам по себе.

— Поступательное и победоносное движение героинь советского экрана оставалось после неудачной попытки самоубийства совсем маленькой Веры?

— К нам потом часто подходили кинематографисты, говорили: «Вот, гады, развели все, что теперь делать?» В этом смысле мы были последними.

— И все же фильм стал мощной бомбой, взорвавшейся под фундаментом советской ментальности?

— Когда мы закончили монтаж и озвучивание, в Госкино разгорелся страшный

Из киноэнциклопедической рецензии на картину «Назад в СССР»: «Наталья Негода полностью захватывает внимание, предлагая исполнение мастерского, в сущности, уравнивая. В ее глазах читается психологическая глубина, которую это поверхностное кино не в состоянии использовать должным образом».

скандал. Фильм стали готовить «на полку». Я звонила Пичулу, рыдала, требовала, чтобы он шел хоть на какие-то компромиссы. Он отвечал, что его заставляют уродовать замысел, и это не пройдет. А я думала: режиссер потом все равно что-нибудь снимет, мне же не повторить то, что сделано, настолько там выложилась... Кстати, на съемках «Назад в СССР» Дэрэн Сарафьян постоянно повторял: «Наташа, ты особо не напрягайся, делай все, как в «Маленькой Веры», и довольно». — Этот Сарафьян — странное явление. Ставит не то чтобы фильмы серии «Б», а

скорее плохие фильмы серии «А». — Большие студии боятся лент с какими-либо заморочками. Им проще дать 25 миллионов Сарафьяну и сделать гладкую, не вызывающую ни у кого раздражения картину, которая себя наверняка окупит. Он поклонник «монтажной аттракционной», спецэффектов, а голубая мечта — устроить самый большой взрыв в Голливуде, чтоб сразу попасть в книгу рекордов. У него для меня были две установки: «Наташа, в этой сцене стань более сексуальной» и «Наташа, будь как маленький ребенок», причем без расшифровки. Что я должна была — юбку задрать или в пеленки завернуться — непонятно. Вообще в Америке я только один раз столкнулась с настоящей работой режиссера с актером — на съемках сериала «Закон и порядок». И сразу же все получилось. Там с актерами совсем не работают, как здесь. Ставят свет, замеряют экспозицию, располагают тебя в мизансцене, и все, поехали, вперед... — Вы согласны с известным чикагским критиком Роджером Ибертом, который писал: «Секс в «Маленькой Веры» страстный и потный, но совсем не эротичный?»

— Наверно так, а что вы хотите услышать от меня? — Сенсационных подробностей, конечно! — Скандал с открытостью в «Вере» наложился на

скандал с с фотографиями в «Плейбое». Когда журнал погнал на нашу территорию, начался какой-то глухой шум. Я по наивности думала, что здесь ничего не узнают. Тем не менее дошло. Ну, а американцы, они люди простые, в подробности не вдаются, заявлено в их масс-медиа, что я секс-звезда, значит так оно и есть. Вообще я заметила, что они только про секс и говорят. И вместе с тем постоянно лицемерят. Помните замечательную сцену из «Эни Холл» Вуди Аллена, когда он приглашает Дайан Китон на первое свидание? Они разговаривают о незначительных пустяках, а

это время внизу экрана идут титры, информирующие о том, что герои думают на самом деле. У янки очень большой зазор, в отличие от русских, между тем, что они представляют из себя, и тем, чем являются на самом деле. Не знаю, как им это удается, но они все время ходят как бы под колпаком. И кино, кстати, — один из моментов, помогающих поддерживать такое состояние. Наверно поэтому в Штатах постоянно говорят и о кино. В любой беседе, длящейся более пяти минут, тебя обязательно спросят по поводу той или иной новинки. Сейчас такого в России нет. А они смотрят в кино, как в зеркало.

— Американцы ищут и с успехом находят в своих картинах поведенческие модели...

— Кино — может быть, единственный культурный продукт, которым США кормит весь мир.

— Голливудский фильм — самодостаточное явление? — Одно дело смотреть Спилберга и совсем другое — Годара. Это как другой вид искусства. Я, например, после Тарковского три дня ничего другого видеть не могу. Настроившись на его волну, мне сложно с нее «сойти».

— Андрей Кончаловский как-то заметил, что если бы большевики свободно отпускали своих актеров за рубеж, все они стали бы там звездами. Правильно?

— Проблема проблем — язык. Американцы очень избалованы, они не любят акценты. Потом, если певца, скажем, делает хит, то и актера делает знаменитым хороший драматургический материал. А в Голливуде нет выбора — тебе дают то, что есть, а из этого материала обычно хита не получается. И тогда актер превращается в рядового исполнителя. Да я и не уверена, что по технике советские и постсоветские актеры самые лучшие. Для нашего артиста важен процесс, для ихнего — результат. Нашим нужен партнер, много репетиций, он долго раскачивается. Американцам раскачка не требуется, они включаются с полуборота. У наших так не получается — нужно с партнером найти общий язык, войти в состояние. А американцы играют сами с собой — им даже не нужен партнер.

— Тут, по-моему, дело прежде всего в ментальности. Американцы — индивидуалисты, коллектив им обычно в тягость. — Но, мне кажется, этому можно научиться. Года три-четыре потратив. А влететь в совершенно по-другому функционирующее общество, тем более в такую специфическую субкультуру как актерство... Нет, с ходу вряд ли удастся.

— Что вы думаете по поводу американских римейков европейских лент? — Тут все связано с прибылью. Каким бы гениальным не был европейский фильм, е прокат и успех у зрителей ограничен Нью-Йорком, Сан-Франциско и Чикаго. В глубинке, центральных штатах, где в основном и делается касса, средний американец на такие фильмы не ходит. Он не любит субтитры, незнакомые лица. Поэтому как только продюсеры видят перспективную, с их точки зрения, картину, то сразу же делают вариант для «внутреннего потребления».

— Кто из молодых американских актрис произвел на вас наибольшее впечатление в профессиональном плане? — Джульетт Льюис в «Калифорнии». — А как Патриция Аркетт в «Настоящем романе»? — Она хороша, конечно, но сам фильм меня раздражал. Холодная конструкция. Однако часто возникают ситуации, когда картина, которая даже не очень-то рекламировалась, получает невероятный успех. Такое случилось с «Красоткой». Что-то было эдакое в воздухе в 1990 году, все почему-то захотели Джулию Робертс. Хотя ее внешность достаточно нетрадиционна для американского стандарта женской красоты. Когда, будучи еще неизвестной, она искала работу, специалисты ей говорили, что «с такими губами, девушка, вам в кино делать нечего». Правда, потом именно эти губы и сделали ее звездой.

— И почему же широкие массы ее «захотели»?

— В ней есть непредсказуемость, она играла все «наоборот». Например, все ожидали, что она заплачет, а она начинала вдруг хихикать, невольно вскрикивала, неадекватно смотрела на партнера чистым невинным взглядом и т.д. Зрителям это понравилось.

— Вы в Америке часто в кино ходили? — Раза два-три в неделю. Здесь совсем не хожу, ничего смотреть невозможно. Процветает страшный непрофессионализм, особенно бросающийся в глаза после жизни на Западе. Нельзя так снимать, так монтировать, так ставить свет. Не говоря уже о том, что неудобно за актеров, разыгрывающих на экране черт-те что.

— А как складываются ваши отношения с этим кинематографом?

— Практически никак. Большинство людей, кажется, уверены, что меня здесь нет. Ходят слухи, будто у меня страшный характер, я всех посылаю... А из конкретных предложений... Последний раз мне принесли сценарий года два назад — это было нечто! Я подумала, надо мной просто издеваются. Если судить по тому, что я видела, лучше вообще не сниматься. Это раньше я

не представляла себя вне актерской профессии, а теперь поняла, что какое-то время могу существовать без нее. Особенно в Америке. Научилась наслаждаться каждым днем. Там запросто можно найти миллион радостей.

— После вашего проживания за рубежом стали ли вы, так сказать, «человеком мира», то есть перешли ли в то состояние, когда все равно, где жить и работать?

— Ну, я скорее приобрела мироощущение «туристки». Раньше мне казалось, что нигде, кроме Москвы, жить не смогу. Сейчас обитаю в Лос-Анджелесе как американка — квартира, машина, мебель, знакомства... Но знаю, что всегда готова набить чемодан и улететь. В Москве, однако, сразу становлюсь страшной патриоткой Америки. Возвращаюсь туда — и снова превращаюсь в российскую патриотку, всем рассказываю, как здесь хорошо и замечательно.

— Кончаловский говорил, что при пересечении границы туда он превращается из западника в славянофила.

— Да, похоже. Через некоторое время я и в Лос-Анджелесе начинаю чувствовать себя туристкой... Когда в Америке меня спрашивают, как долго я могу тут жить, я отвечаю, что не живу, а остаиваюсь. А вообще в Штатах меня принимают за кого угодно — за аргентинку, итальянку, но только не за русскую. Хотя вот Елена Сафонова без особых усилий стала же чуть ли не коренной французской актрисой. С другой стороны, не надо забывать, что эталон французской женщины Изабель Аджани наполовину арабка, наполовину немка.

— Вы сами как оцениваете «Назад в СССР»?

— Да ничего особенного, но все-таки работа по профилю. А то ведь с нашего курса только два-три человека остались актерами. Мне кажется, мы были последними, кому хотелось во МХАТе играть классику. Розина, Розова... Шатров однажды сказал: «Наташа, когда будете знаменитой, не забудьте упомянуть, что в первый раз вы появились на сцене в моей пьесе...» В России я сильно чувствую годы. На Западе — как бы учусь заново ходить. А здесь сразу возникает груз воспоминаний, люди, которых знала, куда-то исчезают. Живешь как бы в вакууме. Хотя и «там» ты тоже находишься в вакууме, потому что сложно приобрести друзей. Друзья — они из молодости, это те, с кем вместе учился, с кем коленики разбивал. Все-таки я не космополит...

Беседу вел Валентин ЭШПАЙ

Леонард Малтин (из рецензии на «Маленькую Веру» в американском прокате): «Негода играет сильную роль отчужденной девушки из рабочего класса, фанатика рок-музыки, а изображение ее сексуальной жизни и того, как западная культура влияет на поведенческие механизмы, делает этот советский фильм непохожим на любой другой из тех, что мы видели».

